

Майским утром

1

Ахан
Мущинский

Необыкновенно воздух свеж
на кладбище «Яна-Биста».
Рассвет поднялся цвета беж,
роса легла в ладонь листа
кленового. И ни души
вокруг в такую рань. Лишь я
шуршу, стреножа шаг, в тиши
камней, имён, времён, плюща,
прилипшего к ограде. Нет,
душа моя не стеснена,
как должно быть в таких местах.
Наоборот, какая-то стена
вдруг исчезает... Страх,
тревога характерны там,
среди суетных и живых.
А здесь... Что здесь?

Родство.
Да, да, родство со всеми, кто
когда-то, как и я, дышал,
любил, встречал рассвет,
писал стихи и не писал,
оставил и не оставил след...
Как короток людской удел!
Как скоро люди не у дел
оказываются своих
земных, живых... И всех живею
ползёт по камню муравей.
Гранит под ним угрюм и тих.
Уж имя, годы не прочесть
под полумесяцем. Не счесть
побитых временем камней
надгробных. И в душу мне
текут печаль и кротость. Вот
за той оградой поворот –
и чёрный обелиск в цепях,
и профиль – Габдулла Тукай,
поэт, пророк. Храни Аллах
наш с ним народ! Ступай,
окаменев на миг, тропой
своею путник дальше в глубь
веков, далёких дней... Весной
особенно я как-то глуп
и сентиментален. Май –
нелёгкий месяц для меня...

2

Далёк конец, не близок край
Вселенной этой, где хранят
живые тех, кто уж черту
свою перешагнул и смерть
кому уж не страшна, кому
известно то,
что не известно нам.
И сметь
нельзя хотя б одним
глазком,
одним зрачком своим
в залунье тёмное взглянуть,
а может, светлое... Как там
отцам и праотцам, друзьям,
меня опередившим?.. Муть,
вся муть весенняя с души
стекает напрочь здесь, в тиши
аллей и тропок. Кое-как
уже протискаваю грудь
между оград. Вот так
здесь тесно.

Ровно семь
родных моих оградой одной
обнесены. И сразу всем
поклон мой первый и земной.
Затем поочередно – мой отец,
мой дед и бабушка... И наконец
она, чьи токи и тепло
теперь во мне, чья грудь
меня вскормила, так светло
с кем было мне! Какая грусть,
какой-то бесконечный вздох
с её уходом сердце мне
тоскою оmyвает. Нет,
формально я не так уж плох –
дела идут, семья растёт.
Но где-то будто бы поёт
её сопрано-меццо вдалеке,
как будто в детстве налегке
тропой извилистой бегу,
и льётся песня из окон
родного дома. Испокон
моих веков не мог и не могу
спокойно слушать
пение её –
со сцены ли, иль за столом
(гостей всегда
был полон дом),
иль в записи,
иль даже вот теперь,
когда не слышно уж давно
её живую. Всё равно
я слышу...
И кажется, что дверь,
знакомая до боли, до сучка-
задоринки, скрипучая слегка,
откроется, и на крыльцо
она навстречу выйдет мне.
И платье синее на ней
(воздушный ситец), и лицо
её светло озарено
небесными глазами. Но
того уж дома сколько лет
на улице Цветочной нет,
как нет хозяйки, нет цветов
и звуков пианино, и
отца, мелодии свои
изобретавшего, и снов
цветных, что были в руку все подряд.
Бег времени неумолим...
Иду вперёд, гляжу назад.
На сцене нынешней я – мим,
своё в себе ношу, молчу –

кому мой нужен мир! Хочу
одно неудержимо – к ней
вернуться. Чтобы прах
наш с ней перемешался, чтоб
нас с нею больше уж ничто
не разлучило. И не крах
то будет наш – круговорот
ещё один произойдёт,
естественный, земной.
И снова целое одно
мы с ней составим. Этот май,
ах, этот милый, синий май! –
нелёгкий месяц для меня.
В лучах рождающегося дня,
в тени кладбищенских камней
чудесным образом видней
даль прошлого...

Казань, 2006